

Действие второе

Та же комната. В углу, возле пианино, стоит обобранная, обтрепанная, с обгоревшими свечами елка. На диване манто и шляпа Норы. Нора одна в волнении бродит по комнате, наконец останавливается у дивана и берет свое манто.

НОРА (*выпуская из рук манто*). Идет кто-то! (*Подходит к дверям, прислушивается.*) Нет... никого. Разумеется, никто сегодня не придет, – первый день рождества... И завтра тоже. Но, может быть... (*Отворяет дверь и выглядывает.*) Нет, в ящике для писем ничего нет, совершенно пуст. (*Возвращается назад.*) Э, глупости! Разумеется, он ничего такого на самом деле не сделает. Ничего такого быть не может. Это невозможно. У меня трое маленьких детей.

АННА-МАРИЯ (*выходит из дверей налево, неся большую картонку*). Насилу отыскала эту картонку с маскарадными платьями.

НОРА. Спасибо, поставь на стол.

АННА-МАРИЯ (*ставит*). Только они, верно, бог знает в каком беспорядке.

НОРА. Ах, разорвать бы их в клочки!

АННА-МАРИЯ. Ну вот! Их можно починить. Только терпения немножко.

НОРА. Так я пойду попрошу фру Линне помочь мне.

АННА-МАРИЯ. Опять со двора? В такую-то погоду? Фру Нора простудится... захворает.

НОРА. Это еще не так страшно... Что дети?

АННА-МАРИЯ. Играют новыми игрушками, бедняжки. Только...

НОРА. Часто обо мне спрашивают?

АННА-МАРИЯ. Привыкли ведь быть около мамы.

НОРА. Да, видишь, Анна-Мария, мне теперь нельзя будет так много бывать с ними, как прежде.

АННА-МАРИЯ. Ну, малыши ко всему привыкают.

НОРА. Ты думаешь? По-твоему, они забыли бы мать, если бы ее не стало?

АННА-МАРИЯ. Господи помилуй! Не стало!

НОРА. Слушай, Анна-Мария... я часто думаю... как это у тебя хватило духу отдать своего ребенка чужим?

АННА-МАРИЯ. Пришлось; как же было иначе, коли я поступила кормилицей к малютке Норе?

НОРА. Но как же ты захотела пойти в кормилицы?

АННА-МАРИЯ. На такое-то хорошее место? Бедной девушке в такой беде радоваться надо было. Тот дурной человек ведь так-таки ничем и не помог мне.

НОРА. Но твоя дочь, верно, забыла тебя?

АННА-МАРИЯ. Ну зачем же? Писала мне, и когда конфирмовалась и когда замуж выходила.

НОРА (*обвивая ее шею руками*). Старушка моя, ты была мне хорошей матерью, когда я

была маленькой.

АННА-МАРИЯ. У бедняжки Нора не было ведь другой, кроме меня.

НОРА. И не будь у моих малюток другой, я знаю, ты бы... Вздор, вздор, вздор! *(Открывает картонку.)* Пойди к ним. Мне теперь надо... Завтра увидишь, какой я буду красавицей.

АННА-МАРИЯ. Верно, на всем балу никого краше не будет. *(Уходит налево.)*

НОРА *(принимается опоражнивать картонку, но скоро бросает все)*. Ах, только бы решиться выйти. Только бы никто не зашел. Только бы тут не случилось без меня ничего. Глупости. Никто не придет. Только не думать. Не думать об этом... Надо почистить муфту. Чудные перчатки, дивные перчатки... Не надо думать, не надо! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... *(Вскрикивает.)* А! Идут! *(Хочет кинуться к дверям, но останавливается в нерешительности.)*

Из передней входит фру Линне, уже без верхнего платья. Ах, это ты, Кристина!

И больше там никого нет?... Как хорошо, что ты пришла.

ФРУ ЛИННЕ. Мне сказали, ты заходила ко мне, спрашивала меня.

НОРА. Да, я как раз проходила мимо. Мне так нужна твоя помощь. Сядем сюда, на диван. Видишь, завтра вечером у верхних жильцов, у консула Стенборга, костюмированный вечер, и Торвальд хочет, чтобы я была неаполитанской рыбачкой и сплясала тарантеллу. Я выучилась на Капри.

ФРУ ЛИННЕ. Вот что? Так ты дашь целое представление?

НОРА. Торвальд говорит, что надо. Так вот костюм. Торвальд заказал его мне еще там. Но теперь все пооборвалось, и я просто не знаю...

ФРУ ЛИННЕ. Ну, это мы живо поправим. Только отделка местами пооторвалась немножко. Иголки, нитки?... А, тут все, что нужно.

НОРА. Как это мило с твоей стороны.

ФРУ ЛИННЕ *(шьет)*. Так ты завтра будешь костюмироваться, Нора? Знаешь, я зайду на минутку взглянуть на тебя разодетой. Но я совсем позабыла поблагодарить тебя за вчерашний приятный вечер.

НОРА *(встает и ходит по комнате)*. Ну, вчера, по-моему, было вовсе не так мило, как обычно. Тебе бы приехать к нам в город пораньше, Кристина. Да, Торвальд большой мастер устраивать все изящно и красиво.

ФРУ ЛИННЕ. И ты не меньше, я думаю. Недаром ты дочь своего отца. Но скажи, доктор Ранк всегда такой пришибленный, как вчера?

НОРА. Нет, вчера он как-то особенно... Впрочем, он ведь страдает очень серьезной болезнью. У бедняги сухотка спинного мозга. Надо тебе сказать, отец у него был отвратительный человек, держал любовниц и все такое. Вот сын и уродился таким хворым, понимаешь?

ФРУ ЛИННЕ *(опуская работу на колени)*. Но, милочка Нора, откуда ты набралась таких познаний?

НОРА *(прохаживаясь по комнате)*. Э!.. Раз у тебя трое детей, значит, тебя иногда навещают такие... такие дамы, которые кое-что смыслят и в медицине. Ну, иной раз и

расскажут кое о чем.

Фру Линне снова шьет; короткая пауза.

ФРУ ЛИННЕ. Доктор Ранк каждый день бывает у вас?

НОРА. Каждый божий день. Он ведь лучший друг Торвальда с юных лет и мой хороший друг. Он совсем как свой у нас.

ФРУ ЛИННЕ. Но скажи ты мне: он человек вполне прямой? То есть не из таких, которые любят говорить людям приятные вещи?

НОРА. Напротив. С чего ты это взяла?

ФРУ ЛИННЕ. Вчера, когда ты нас познакомила, он уверял, что часто слышал мое имя здесь в доме. А потом я заметила, что муж твой не имел даже понятия обо мне. Как же мог доктор Ранк?..

НОРА. Да, это совершенно верно, Кристина. Торвальд так безгранично меня любит, что не хочет ни с кем делиться мною... как он говорит. В первое время он прямо-таки ревновал меня, стоило мне только заговорить о своих милых близких, о родных местах. Ну, я, понятно, и перестала. Но с доктором Ранком я часто разговариваю обо всем таком. Он, видишь ли, любит слушать.

ФРУ ЛИННЕ. Послушай, Нора, ты во многом еще ребенок. Я постарше тебя, поопытнее. И вот что я тебе скажу: тебе бы надо постараться выпутаться из этой истории – с доктором Ранком.

НОРА. Из какой такой истории мне надо постараться выпутаться?

ФРУ ЛИННЕ. Из всех этих историй вообще. Вчера ты тут болтала что-то о богатом поклоннике, который завещает тебе деньги.

НОРА. Да, только нет такого, к сожалению!.. Ну, и что же?

ФРУ ЛИННЕ. Доктор Ранк человек состоятельный?

НОРА. Да, состоятельный.

ФРУ ЛИННЕ. И у него нет никого, о ком бы он должен был заботиться?

НОРА. Никого. Но...

ФРУ ЛИННЕ. И он каждый день бывает здесь в доме?

НОРА. Ну да, ты же это уже слышала.

ФРУ ЛИННЕ. Как же это воспитанный человек может быть настолько неделикатен?

НОРА. Я тебя положительно не понимаю.

ФРУ ЛИННЕ. Не представляйся, Нора. Ты думаешь, я не догадываюсь, кто одолжил тебе те тысячу двести специй?

НОРА. Да ты в уме? Как тебе в голову могло прийти? Наш друг, который ежедневно бывает у нас! Ведь это было бы невыносимо мучительное положение!

ФРУ ЛИННЕ. Значит, не он?

НОРА. Уверяю же тебя. Мне и на ум прийти не могло ни на минуту!.. Да и где бы он тогда взял денег раздавать займы? Он получил наследство уже позже.

ФРУ ЛИННЕ. Ну, это, пожалуй, счастье твое, дорогая Нора.

НОРА. Нет, мне бы и в голову никогда не пришло просить у доктора Ранка... Впрочем, я вполне уверена, попроси я только у него...

ФРУ ЛИННЕ. Но ты, разумеется, этого не сделаешь.

НОРА. Нет, естественно. Я как-то и представить себе этого не могу. Но я вполне уверена, что поговори я с доктором Ранком...

ФРУ ЛИННЕ. За спиной мужа?

НОРА. Мне все-таки надо покончить то дело. Тоже за его спиной. Надо покончить.

ФРУ ЛИННЕ. Да, да, и я тебе вчера говорила, но...

НОРА (*ходит взад и вперед*). Мужчине куда легче разделаться в таких случаях, чем женщине... Ф р у Л и н н е. Если это ее собственный муж – да.

НОРА. Пустяки. (*Останавливаясь*.) Раз уплачиваешь весь долг сполна, то ведь получаешь долговое обязательство обратно?

ФРУ ЛИННЕ. Само собой понятно.

НОРА. И можно разорвать его в мелкие клочки, сжечь эту противную, грязную бумажонку?

ФРУ ЛИННЕ (*смотрит на Нору в упор, откладывает работу в сторону и медленно встает*). Нора, ты что-то скрываешь от меня.

НОРА. Разве это заметно?

ФРУ ЛИННЕ. С тобой что-то случилось со вчерашнего утра, Нора, в чем дело?

НОРА (*идя к ней*). Кристина! (*Прислушивается*.) Тсс! Торвальд вернулся. Слушай, поди пока к детям. Торвальд не любит, чтобы при нем возились с шитьем. Пусть Анна-Мария поможет тебе.

ФРУ ЛИННЕ (*собирает часть вещей*). Да, да, но я не уйду от вас, пока мы не поговорим на чистоту. (*Уходит налево*.)

В ту же минуту из передней входит Хельмер.

НОРА (*идет к нему навстречу*). Ах, я жду не дождусь тебя, милый Торвальд.

ХЕЛЬМЕР. Это швея, что ли?

НОРА. Нет, это Кристина. Она помогает мне поправить костюм. Увидишь, какой эффект я произведу.

ХЕЛЬМЕР. Да, разве я не удачно придумал?

НОРА. Восхитительно! Но разве я тоже не умница, что слушаюсь тебя?

ХЕЛЬМЕР (*берет ее за подбородок*). Умница – потому что слушаешься мужа? Ах ты, плутовка! Я знаю, ты не то хотела сказать. Но я не буду тебе мешать. Тебе, верно, надо примерять.

НОРА. А ты, верно, за работу?

ХЕЛЬМЕР. Да. (*Показывая кипу бумаг*.) Вот. Я заходил в банк. (*Хочет уйти к себе*.)

НОРА. Торвальд...

ХЕЛЬМЕР (*останавливаясь*). Что?

НОРА. А если твоя белочка хорошенько попросит тебя об одной вещи?..

ХЕЛЬМЕР. Ну и что же?

НОРА. Ты бы сделал?

ХЕЛЬМЕР. Сначала, естественно, надо знать – что именно.

НОРА. Белка так бы разыгралась, расшалилась, позабавила бы тебя, если бы ты был так мил, послушался!

ХЕЛЬМЕР. Так говори же.

НОРА. Жаворонок заливался бы по всему дому, на все лады.

ХЕЛЬМЕР. Ну, он и так не молчит.

НОРА. Я изобразила бы тебе сильфиду, танец при лунном свете, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Нора... надеюсь, это не насчет вчерашнего опять?

НОРА (*ближе к нему*). Да, Торвальд! Я прошу, умоляю тебя!

ХЕЛЬМЕР. И у тебя в самом деле хватает духу опять поднимать этот вопрос?

НОРА. Да, да, ты должен послушаться меня, должен оставить за Кругстадом его место в банке!

ХЕЛЬМЕР. Но ведь, милая Нора, я решил взять на его место фру Линне.

НОРА. Это страшно мило с твоей стороны, но ты можешь отказать кому-нибудь другому из конторщиков вместо Кругстада.

ХЕЛЬМЕР. Нет, это просто невероятное упрямство! Из-за того, что ты тут надавала необдуманных обещаний похлопотать за него, я обязан!..

НОРА. Не из-за того, Торвальд. Ради тебя самого. Этот человек пишет ведь в самых гадких газетах, – ты сам говорил. Он может ужасно повредить тебе. Я смертельно боюсь его.

ХЕЛЬМЕР. Ага, понимаю. Ты вспоминаешь старину и пугаешься.

НОРА. Что ты имеешь в виду?..

ХЕЛЬМЕР. Ты, разумеется, вспоминаешь своего отца.

НОРА. Да, ну да. Вспомни только, что злые люди писали о папе, как жестоко клеветали на него. Право, они добились бы его отставки, не пошли министерство ревизором тебя и не отнесись ты к папе с таким участием и доброжелательством.

ХЕЛЬМЕР. Милочка Нора, между твоим отцом и мной существенная разница. Отец твой не был безукоризненным чиновником. А я именно таков и таким, надеюсь, останусь, пока буду занимать свой пост.

НОРА. Ах, никто не знает, что могут придумать злые люди! И теперь как раз мы могли бы зажить так хорошо, спокойно, счастливо, мирно, без забот – ты, и я, и дети, Торвальд! Вот отчего я и прошу тебя так...

ХЕЛЬМЕР. Да как раз, заступаясь за него, ты и лишаешь меня возможности оставить его. В банке уже известно, что я решил уволить Кругстада. Так надо, чтобы теперь пошли разговоры, что новый директор меняет свои решения под влиянием жены...

НОРА. А если бы и так? Что из этого?

ХЕЛЬМЕР. Ну конечно, лишь бы упрямца добила своего! Мне поставить себя в смешное положение перед всеми служащими?.. Дать людям повод толковать, что мною управляют всякие посторонние влияния? Поверь, я бы скоро испытал на себе последствия!

И кроме того... есть обстоятельство, в силу которого совершенно невозможно оставить Кругстада в банке, пока я там директор.

НОРА. Какое обстоятельство?

ХЕЛЬМЕР. На его нравственные недочеты я бы еще мог в случае крайности посмотреть сквозь пальцы...

НОРА. Не правда ли, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. И, говорят, он довольно дельный работник. Но вот что: мы с ним знакомы с юности. Это одно из тех поспешных юношеских знакомств, из-за которых человек потом часто попадает в неловкое положение. Да, я не скрою от тебя: мы с ним даже на «ты». И он настолько бестактен, что и не думает скрывать этого при других. Напротив, он полагает, что это дает ему право быть фамильярным, он то и дело козыряет своим «ты», «ты, Хельмер». Уверю тебя, это меня в высшей степени корбит. Он в состоянии сделать мое положение в банке прямо невыносимым.

НОРА. Торвальд, ты все это говоришь не серьезно.

ХЕЛЬМЕР. Как так?

НОРА. Ну да, потому что все это такие мелочные соображения.

ХЕЛЬМЕР. Что такое ты говоришь? Мелочные? По-твоему, я мелочный человек?

НОРА. Нет, напротив, милый Торвальд. И вот потому-то...

ХЕЛЬМЕР. Все равно. Ты называешь мои побуждения мелочными, так, видно, и я таков. Мелочен! Вот как!.. Ну, надо положить всему этому конец. *(Идет к дверям в переднюю и зовет.)* Элене!

НОРА. Что ты хочешь?

ХЕЛЬМЕР *(роясь в бумагах)*. Положить конец. *(Вошедшей служанке.)* Вот возьмите это письмо и сейчас же отправляйтесь. Найдите посыльного, и пусть он его доставит. Только живо. Адрес написан. Вот деньги.

С л у ж а н к а. Хорошо. *(Уходит с письмом.)*

ХЕЛЬМЕР *(собирая бумаги)*. Так-то, госпожа упрямица!

НОРА *(затаив дыхание)*. Торвальд, что это было за письмо?

ХЕЛЬМЕР. Увольнение Кругстада.

НОРА. Верни, верни назад, Торвальд! Еще не поздно, Торвальд, верни! Ради меня, ради себя самого, ради детей. Слышишь, Торвальд, верни. Ты не знаешь, как это может отозваться на нас всех.

ХЕЛЬМЕР. Поздно.

НОРА. Да, поздно.

ХЕЛЬМЕР. Милая Нора, я извиняю тебе этот страх, хотя, в сущности, он обиден для меня. Да, да! Или, по-твоему, мне не обидно твое предположение, будто я могу опасаться мести какого-то сбившегося с пути крючкотвора? Но я все-таки тебя извиняю, потому что это так мило рисует твою горячую любовь ко мне. *(Привлекает ее к себе.)* Так-то, моя милая, дорогая Нора. И затем пусть будет, что будет. Коли на то пойдет, поверь, у меня хватит и мужества и сил. Увидишь, я такой человек, который все может взять на себя.

НОРА *(пораженная ужасом)*. Что ты хочешь сказать?

ХЕЛЬМЕР. Все, говорю я...

НОРА (*овладевая собой*). Никогда я тебе не позволю.

ХЕЛЬМЕР. Хорошо. Так поделимся с тобой, Нора... как муж и жена. Так, как и быть надлежит. (*Лаская ее*.) Довольна теперь? Ну-ну-ну! Не надо таких испуганных голубиных глазок. Ведь это все же одни фантазии. А теперь ты бы проиграла тарантеллу и поупражнялась с тамбурином. Я пойду к себе и закрою все двери, так что ничего не услышу. Можешь шуметь, сколько хочешь. (*Оборачиваясь в дверях*.) Да, если Ранк придет, скажи ему, где я. (*Кивая ей, уходит к себе и запирает за собой дверь*.)

НОРА (*растерянная, испуганная, стоит как вкопанная и шепчет*). С него станется. Он так и сделает. Сделает – во что бы то ни стало... Нет, никогда в жизни, ни за что! Нельзя допустить этого! Скорее все другое! Спасенье!.. Выход!..

Звонок в передней.

Доктор Ранк!.. Скорее все другое! Скорее все другое – что бы то ни было. (*Проводит руками по лицу и, сделав над собой усилие, идет и открывает дверь в переднюю*.)

Доктор Ранк снимает с себя шубу в передней и вешает ее. В течение следующей сцены начинает смеркаться.

Здравствуйте, доктор Ранк. Я вас по звонку узнала. Но вы теперь не ходите к Торвальду, он, кажется, занят.

РАНК. А вы? (*Входит в комнату*.)

НОРА (*затворяет дверь в прихожую*). О, вы знаете – для вас у меня всегда найдется свободная минутка.

РАНК. Спасибо. Буду пользоваться этим, пока можно.

НОРА. Что вы этим хотите сказать? Пока можно?..

РАНК. Вот именно. Это вас пугает?

НОРА. Вы так странно это сказали. Что же такое могло бы случиться?

РАНК. То, чего я давно ожидал. Но, правда, я не думал, что это будет так скоро.

НОРА (*хватает его за руку*). Что такое вы узнали? Доктор, скажите же мне.

РАНК (*сидя у печки*). Плохо дело. Качусь под гору. Ничего не поделаешь.

НОРА (*переводя дух*). Так вы о себе?..

РАНК. А то о ком же? Нечего лгать себе самому. Я самый жалкий из всех моих пациентов, фру Хельмер. На этих днях я произвел генеральную ревизию своего внутреннего состояния. Банкрот. Не пройдет, пожалуй, и месяца, как я буду гнить на кладбище.

НОРА. Фу, как вы гадко выражаетесь.

РАНК. Само дело из рук вон гадко. Но хуже всего, что еще до того будет много гадкого, безобразного. Теперь мне остается лишь единственное исследование. Покончу с ним и буду знать приблизительно, когда начнется разложение. И вот что я вам скажу. Хельмер со своею утонченной натурой питает непреодолимое отвращение ко всякому безобразию. Я не допущу его к своему одру...

НОРА. Но, доктор Ранк...

РАНК. Не допущу. никоим образом. Запру для него двери... Как только я совершенно уверюсь в наступлении худшего, я пошлю вам свою визитную карточку с черным крестом. Знайте тогда, что мерзость разрушения началась.

НОРА. Нет, вы сегодня просто несносны. А мне-то так хотелось, чтобы вы сегодня были в особенно хорошем настроении.

РАНК. Со смертью за плечами?.. И так расплачиваться за чужие грехи?! Где тут справедливость? И в каждой семье так или иначе сказывается подобное же неумолимое возмездие.

НОРА (*зажимая уши*). Вздор! Веселее, веселее!

РАНК. Да, честное слово, только и остается смеяться надо всем этим. Моему бедному неповинному спинному мозгу приходится расплачиваться за веселые деньки офицерской жизни моего отца!

НОРА (*у стола налево*). Он был очень падок на спаржу и страсбургские паштеты? Да?

РАНК. Да, и на трюфели.

НОРА. Да, да, и на трюфели. И на устрицы, кажется?

РАНК. Да, и на устрицы, устрицы само собой.

НОРА. И на всякие там портвейны да шампанское. Обидно, что все эти вкусные вещи непременно отзываются на спинном хребте.

РАНК. И в особенности обидно, что они отзываются на злополучном хребте того, кто и не вкусил ни капельки от этих благ!

НОРА. Да, это всего обиднее.

РАНК (*пытливо глядя на нее*). Гм!..

НОРА (*немного погодя*). Вы чему улыбнулись?

РАНК. Нет, это вы усмехнулись.

НОРА. Нет, вы улыбнулись, доктор!

РАНК (*вставая*). А вы еще лукавее, чем я думал.

НОРА. Меня сегодня так и подмывает выкинуть что-нибудь такое...

РАНК. Заметно.

НОРА (*кладет обе руки ему на плечи*). Милый, милый доктор Ранк, не покидайте нас с Торвальдом.

РАНК. Ну, с этой потерей вы легко примиритесь. С глаз долой – и из сердца вон.

НОРА (*испуганно смотрит на него*). Вы думаете?

РАНК. Заведутся новые связи, и...

НОРА. У кого заведутся новые связи?

РАНК. И у вас, и у Хельмера, когда меня не станет. Да вы уже на пути к этому, кажется. На что понадобилась вам вчера вечером эта фру Линне?

НОРА. Ай-ай, да уж не ревнуете ли вы меня к бедняжке Кристине?

РАНК. Ну да. Она станет моей заместительницей здесь в доме. Когда мне придется отсутствовать, эта женщина, пожалуй...

НОРА. Тсс! Не так громко. Она там.

РАНК. И сегодня? Вот видите!

НОРА. Она пришла только помочь мне починить мой костюм. Господи, какой вы несносный. *(Садится на диван.)* Ну, будьте же умницей, доктор Ранк. Завтра вы увидите, как чудно я буду плясать, и можете воображать себе, что это я для вас одного, – ну, конечно, и для Торвальда, само собой. *(Вынимает из картонки разные вещи.)* Доктор Ранк, садитесь тут. Я вам покажу что-то.

РАНК *(садится)*. Что такое?

НОРА. Вот! Смотрите!

РАНК. Шелковые чулки.

НОРА. Телесного цвета. Разве не прелесть? Да, теперь темно, но завтра... Нет, нет, нет, вы увидите только до подъема. Впрочем, вам можно показать и повыше.

РАНК. Гм!..

НОРА. Что вы так критически смотрите? По-вашему, пожалуй, они не впору?

РАНК. Об этом судить не берусь за отсутствием сколько-нибудь обоснованного мнения.

НОРА *(глядит на него с минуту)*. Фу, как вам не стыдно! *(Слегка ударяет его по уху чулками.)* Вот вам за это. *(Снова убирает вещи.)*

РАНК. А какие же еще сокровища предстояло мне увидеть?

НОРА. Ни крошечки больше не увидите. Вы несносный. *(Напевая, роется в вещах.)*

РАНК *(после короткого молчания)*. Сидя с вами вот так, запросто, я не понимаю... не постигаю... что случилось бы со мной, если бы я не бывал в вашем доме.

НОРА *(улыбаясь)*. Да, мне кажется, вы, в сущности, чувствуете себя у нас совсем недурно.

РАНК *(тише, глядя в пространство)*. И волей-неволей покинуть все это...

НОРА. Глупости! Не покинете.

РАНК *(по-прежнему)*. Уйти, не оставив даже сколько-нибудь благодарного воспоминания, хотя бы даже мимолетного сожаления... ничего, кроме пустого места, которое может быть занято первым встречным.

НОРА. А если бы я теперь обратилась к вам с просьбой? Нет...

РАНК. О чем?

НОРА. О большом доказательстве вашей дружбы...

РАНК. Ну-ну?

НОРА. Нет, видите, я хочу сказать – об огромном одолжении.

РАНК. Неужели вы в самом деле хоть раз доставили бы мне такое счастье?

НОРА. Ах, вы не знаете, в чем дело.

РАНК. Так скажите.

НОРА. Нет, не могу, доктор. Это уж слишком огромное одолжение – тут и совет, и помощь, и услуга...

РАНК. Чем больше, тем лучше. Но я не постигаю, что бы это могло быть. Говорите же! Разве я не пользуюсь вашим доверием?

НОРА. Как никто другой. Вы мой вернейший, лучший друг – я знаю, знаю. Оттого и хочу

сказать вам. Ну, хорошо, доктор. Вы должны помочь мне предотвратить что-то. Вы знаете, как искренне, как бесконечно любит меня Торвальд. Он ни на минуту не задумался бы отдать за меня жизнь.

РАНК *(наклоняясь к ней)*. Нора, вы думаете, он один-единственный?..

НОРА *(слегка вздрогнув)*. Один...

РАНК. ...кто с радостью отдал бы свою жизнь за вас?

НОРА *(удрученно)*. Ну вот...

РАНК. Я дал себе клятву, что вы узнаете об этом прежде, чем меня не станет. Более удобного случая мне не дожидаться. Да, Нора, теперь вы знаете. И знаете тоже, что мне вы можете довериться скорее, чем кому бы то ни было.

НОРА *(встает, спокойным, ровным тоном)*. Пропустите меня.

РАНК *(давая ей пройти, а сам продолжая сидеть)*. Нора...

НОРА *(в дверях передней)*. Элене, принеси лампу. *(Идет к печке.)* Ах, милый доктор Ранк, это было, право, нехорошо с вашей стороны.

РАНК *(вставая)*. Что я любил вас так же искренне, как другой? Это так дурно?

НОРА. Нет, но что вы говорите мне об этом. И ведь вовсе не нужно было.

РАНК. То есть? Или вы знали?.. Служанка входит с лампой, ставит ее на стол и уходит. Нора... фру Хельмер... я спрашиваю, вы знали что-нибудь?

НОРА. Ах, почему я знаю, что знала, чего не знала? Я, право, не могу сказать вам... И как это вас угораздило, доктор! Все было так хорошо.

РАНК. По крайней мере вы теперь можете быть уверены, что я весь в вашем распоряжении и душой и телом. Так говорите...

НОРА *(глядит на него)*. После этого?

РАНК. Прошу вас, дайте же мне узнать, в чем дело.

НОРА. Ничего вы теперь не узнаете.

РАНК. Нет, нет. Не наказывайте меня так. Дайте мне сделать для вас все, что только в силах человеческих.

НОРА. Теперь вы ничего не можете сделать для меня. Впрочем, мне, пожалуй, и не надо никакой помощи. Увидите, что все это одни фантазии. Разумеется. Конечно. *(Садится на качалку, смотрит на него и улыбается.)* Да, скажу я вам, хороши вы! Вам не стыдно теперь, при лампе?

РАНК. Нет, собственно говоря. Но, пожалуй, мне сразу надо удалиться... навсегда?

НОРА. Совсем не надо. Естественно, вы будете приходить по-прежнему. Вы же знаете, Торвальд не может обойтись без вас.

РАНК. А вы?

НОРА. Ну, и мне всегда ужасно весело с вами, когда вы к нам приходите.

РАНК. Вот это-то и сбивало меня с толку. Вы для меня загадка. Не раз мне казалось, что вам почти так же приятно мое общество, как и общество Хельмера.

НОРА. Видите, некоторых людей любишь больше всего на свете, а с другими как-то больше всего хочется бывать.

РАНК. Пожалуй, в этом есть доля правды.

НОРА. Дома у себя я, разумеется, больше всех любила папу. Но мне всегда ужасно нравилось украдкой пробираться в комнату к прислуге. Там не поучали меня ни чуточку и там всегда велись такие веселые разговоры.

РАНК. Ага, так вот кого я заменял вам.

НОРА (*вскакивая и подбегая к нему*). Ах, милый, славный доктор Ранк, я совсем не то имела в виду. Но вы понимаете, что и с Торвальдом, как и с папой...

СЛУЖАНКА (*входит из передней*). Барыня... (*Шепчет что-то и подает карточку.*)

НОРА (*бросая взгляд на карточку*). А! (*Сует ее в карман.*)

РАНК. Какая-нибудь неприятность?

НОРА. Нет, нет, нисколько. Это просто... новый костюм мне...

РАНК. Как? Да ведь вот он лежит.

НОРА. Ах, это не тот. То другой. Я заказала... Но Торвальду не надо знать...

РАНК. Ага, вот она, великая тайна!

НОРА. Именно. Подите к нему. Он у себя. Задержите его пока.

РАНК. Будьте спокойны. Он от меня не уйдет. (*Уходит в кабинет.*)

НОРА (*служанке*). Так он ждет в кухне?

СЛУЖАНКА. Да, пришел с черного хода.

НОРА. Да ты разве не сказала ему, что тут посторонние?

СЛУЖАНКА. Говорила, да не помогло.

НОРА. Так он не хочет уходить?

СЛУЖАНКА. Не хочет, пока не поговорит с барыней.

НОРА. Так проводи его сюда, только тихонько, Элене. И никому не говори об этом. Это будет сюрприз мужу.

СЛУЖАНКА. Да, да, понимаю, понимаю... (*Уходит.*)

НОРА. Беда идет... Идет все-таки. Нет, нет, нет! Не будет этого, не может быть! (*Идет и запирает дверь в кабинет на задвижку.*)

Служанка открывает дверь из передней, пропускает в комнату Кругстада и затворяет за ним дверь. Он в дорожной шубе высоких сапогах и меховой шапке.

НОРА (*идя к нему навстречу*). Говорите потише – муж дома.

КРУГСТАД. И пусть его.

НОРА. Что вам нужно от меня?

КРУГСТАД. Узнать кое о чем.

НОРА. Так скорее. Что такое?

КРУГСТАД. Вам, конечно, известно, что меня уволили.

НОРА. Я не могла помешать этому, господин Кругстад. Я до последней крайности отстаивала вас, но все напрасно.

КРУГСТАД. Значит, ваш муж так мало любит вас? Знает, что я могу навлечь на вас, и

все-таки отваживается?..

НОРА. Как вы можете думать, что он знает об этом?

КРОГСТАД. Нет, я, в сущности, и не думал. Не в характере моего милого Торвальда Хельмера было бы выказать столько мужества...

НОРА. Господин Кругстад, я требую уважения к моему мужу.

КРОГСТАД. Помилуйте, я с должным уважением. Но раз вы держите это дело под таким страшным секретом, я смею предполагать, что вы теперь лучше, нежели вчера, понимаете, что, собственно, вы совершили.

НОРА. Лучше, чем вы могли бы когда-нибудь объяснить мне.

КРОГСТАД. Еще бы, такой плохой законник, как я!..

НОРА. Что же вам нужно от меня?

КРОГСТАД. Я пришел только взглянуть, как у вас обстоят дела, фру Хельмер. Я весь день о вас думал. Ростовщик, крючкотвор, ну, словом, такой, как я, тоже, видите ли, не лишен того, что называется сердцем.

НОРА. Так и докажите это. Подумайте о моих маленьких детях.

КРОГСТАД. А вы с вашим мужем подумали о моих? Ну, да теперь все равно. Я хотел только сказать вам, что вам нет нужды слишком принимать к сердцу это дело. На первых порах я не стану возбуждать против вас судебного преследования.

НОРА. Не правда ли? О, я знала, знала.

КРОГСТАД. Все можно еще покончить миром. Незачем вмешивать сюда людей. Дело останется между нами троими.

НОРА. Муж мой никогда ничего не должен знать об этом.

КРОГСТАД. Как же вы помешаете этому? Или вы можете уплатить все сполна?

НОРА. Нет, сейчас, сразу – не могу.

КРОГСТАД. Или, быть может, у вас в виду какая-нибудь другая комбинация – вы достанете денег на днях?

НОРА. Никакой такой комбинации, которою бы я могла воспользоваться.

КРОГСТАД. Да она и не помогла бы вам все равно. Выложи вы мне хоть сейчас чистоганом какую угодно сумму – вам не получить от меня обратно вашей расписки.

НОРА. Так объясните же, что вы хотите с ней сделать.

КРОГСТАД. Только оставить ее у себя... сохранить. Никто посторонний и знать ничего не будет. Поэтому если бы вы теперь пришли к какому-нибудь отчаянному решению...

НОРА. Именно.

КРОГСТАД. Если бы задумали бросить дом и семью...

НОРА. Именно!

КРОГСТАД. Или додумались бы кое до чего еще похуже...

НОРА. Откуда вы знаете?

КРОГСТАД. Так оставьте эти затеи.

НОРА. Откуда вы знаете, что я додумалась до этого?

КРОГСТАД. Большинство из нас думает об этом – вначале. И я тоже в свое время... Да

духу не хватило...

НОРА (*упавшим голосом*). И у меня.

КРОГСТАД (*вздыхнув с облегчением*). Да, не так ли? И у вас, значит, тоже? Не хватает?

НОРА. Не хватает, не хватает.

КРОГСТАД. Оно и глупо было бы. Стоит только первой домашней буре пройти... У меня в кармане письмо к вашему мужу...

НОРА. И там все сказано?

КРОГСТАД. В самых мягких выражениях. Насколько возможно.

НОРА (*быстро*). Это письмо не должно дойти до мужа. Разорвите его. Я найду все-таки выход, добуду денег.

КРОГСТАД. Извините, сударыня, я, кажется, только что сказал вам...

НОРА. О, я не говорю о своем долге вам. Скажите мне, сколько вы хотите потребовать с мужа, и я добуду вам сама эти деньги.

КРОГСТАД. Я никаких денег не возьму с вашего мужа.

НОРА. Чего же вы требуете?

КРОГСТАД. Сейчас узнаете. Я хочу стать на ноги, сударыня, хочу подняться, и ваш муж должен помочь мне. В течение полутора лет я ни в чем таком бесчестном не был замечен, и все это время я бился, как рыба об лед, но был доволен, что могу своим трудом подняться опять – мало-помалу. Теперь меня выгнали, и я уж не удовлетворюсь тем, что меня попросту примут обратно – из милости. Я хочу подняться, говорю я вам. Хочу, чтобы меня приняли на службу в банк с повышением. Вашему мужу придется создать для меня особую должность...

НОРА. Никогда он этого не сделает!

КРОГСТАД. Сделает. Я его знаю. Он пикнуть не посмеет. А раз только я сяду там рядом с ним, – увидите: не пройдет и года – я буду правой рукой директора. Нильс Кругстад, а не Торвальд Хельмер будет править банком.

НОРА. Никогда вы этого не дождетесь!

КРОГСТАД. Может быть, вы...

НОРА. Теперь у меня хватит духу.

КРОГСТАД. Меня не испугаете. Такая нежная, избалованная дамочка, как вы...

НОРА. Увидите! Увидите!

КРОГСТАД. Под лед, может быть? В ледяную, черную глубину. А весной всплыть обезображенной, неузнаваемой, с вылезшими волосами...

НОРА. Вы меня не запугаете.

КРОГСТАД. А вы меня. Таких вещей не делают, фру Хельмер. Да и к чему бы это послужило? Он ведь все-таки будет у меня в руках.

НОРА. И после того? Когда меня уже...

КРОГСТАД. Вы забываете, что тогда я буду властен над вашей памятью. Нора, онемев, смотрит на него. Теперь вы предупреждены. Так не делайте никаких глупостей. Когда Хельмер получит мое письмо, я буду ждать от него весточки. И помните, ваш муж сам вынудил меня снова вступить на такой путь. Этого я никогда ему не прощу. До свидания,

фру Хельмер. *(Уходит через переднюю.)*

НОРА *(идет к двери в переднюю, приотворяет ее и прислушивается)*. Уходит. Не отдает письма. О нет, нет, это ведь было бы невозможно! Невозможно! *(Открывает дверь все больше и больше.)* Что это? Он стоит за дверями. Не спускается вниз. Раздумывает? Неужели он...

Слышно, как письмо падает в ящик, затем слышны шаги Кругстада, спускающегося с лестницы; постепенно шаги замирают внизу. Нора с подавленным криком бежит назад в комнату к столу перед диваном. Короткая пауза.

Письмо!... В ящике! *(Робко крадется опять к дверям передней.)* Лежит там... Торвальд, Торвальд... теперь нам нет спасения!

ФРУ ЛИННЕ *(выходит с костюмом в руках из комнаты налево)*. Ну, больше уж я не знаю, что тут исправлять. Не примерить ли?

НОРА *(тихо и хрипло)*. Кристина, поди сюда.

ФРУ ЛИННЕ *(бросая платье на диван)*. Что с тобой? Ты сама не своя.

НОРА. Поди сюда. Видишь письмо? Там. Гляди сквозь стекло, в ящике для писем.

ФРУ ЛИННЕ. Ну-ну, вижу, вижу.

НОРА. От Кругстада...

ФРУ ЛИННЕ. Нора... ты заняла те деньги у Кругстада?

НОРА. Да. И теперь Торвальд все узнает.

ФРУ ЛИННЕ. Поверь мне, Нора, так будет всего лучше для вас обоих.

НОРА. Ты еще не все знаешь. Я подделала подпись...

ФРУ ЛИННЕ. Но, ради бога...

НОРА. Я хочу просить тебя лишь об одном, Кристина, чтобы ты была свидетельницей.

ФРУ ЛИННЕ. Какой свидетельницей? В чем?

НОРА. Если бы я потеряла рассудок, – а это легко может случиться...

ФРУ ЛИННЕ. Нора!

НОРА. Или если бы со мной случилось что-нибудь другое – такое, что помешало бы мне быть здесь...

ФРУ ЛИННЕ. Нора, Нора, ты себя не помнишь!

НОРА. Так если бы кто вздумал взять вину на себя, – ты понимаешь?..

ФРУ ЛИННЕ. Да, да, но как тебе в голову...

НОРА. Ты засвидетельствуешь, что это неправда, Кристина. Я вовсе еще не рехнулась. Я в полном разуме. И говорю тебе: никто другой ничего не знал об этом. Я одна все сделала. Помни!

ФРУ ЛИННЕ. Да, да. Но я все-таки не понимаю...

НОРА. Где же тебе понимать? Теперь готовится чудо.

ФРУ ЛИННЕ. Чудо?

НОРА. Да, чудо. Но оно ужасно, Кристина, не надо его ни за что на свете!

ФРУ ЛИННЕ. Я сейчас же пойду поговорю с Кругстадом.

НОРА. Не ходи к нему. Он тебя обидит.

ФРУ ЛИННЕ. Было время, когда он готов был сделать для меня все, что угодно.

НОРА. Он?

ФРУ ЛИННЕ. Где он живет?

НОРА. Почему я знаю?.. Ах, да! *(Вынимает из кармана карточку.)* Вот его карточка. Но письмо, письмо!..

ХЕЛЬМЕР *(из кабинета, стуча в дверь)*. Нора!

НОРА *(вскрикивает в страхе)*. А! Что такое? Что тебе?

ХЕЛЬМЕР. Ну, ну, не пугайся же так. Мы не войдем. Ты ведь заперла дверь. Примеряешь, что ли?

НОРА. Да, да, примеряю. Ах, я буду такая хорошенькая, Торвальд.

ФРУ ЛИННЕ *(прочитав надпись на карточке)*. Он живет тут близехонько, за углом.

НОРА. Да. Но ничего из этого не выйдет. Нам нет спасения. Письмо ведь в ящике.

ФРУ ЛИННЕ. А ключ у мужа?

НОРА. Всегда.

ФРУ ЛИННЕ. Пусть Кругстад потребует свое письмо обратно нераспечатанным... Пусть найдет предлог...

НОРА. Но как раз в это время Торвальд всегда...

ФРУ ЛИННЕ. Задержи его. Побудь с ним пока. Я вернусь как можно скорее. *(Быстро уходит через переднюю.)*

НОРА *(идет к дверям кабинета, открывает и заглядывает в комнату)*. Торвальд!

ХЕЛЬМЕР *(из другой комнаты)*. Ну, впустят ли наконец человека в его собственную гостиную? Идем, Ранк, посмотрим. *(В дверях.)* Но что же это значит?

НОРА. Что такое, милый?

ХЕЛЬМЕР. Я ожидал, со слов Ранка, великолепной сцены с переодеванием...

РАНК *(в дверях)*. Я так понял, но, видно, ошибся.

НОРА. Никто не увидит меня во всем блеске до завтрашнего вечера.

ХЕЛЬМЕР. Но, милая Нора, ты какая-то измученная. Зарепетировалась?

НОРА. Совсем еще не репетировала.

ХЕЛЬМЕР. Однако это необходимо...

НОРА. Совершенно необходимо, Торвальд. Но я ничего не могу поделать без тебя. Я все позабыла.

ХЕЛЬМЕР. Ну, мы живо освежим это в памяти.

НОРА. Да, уж ты непременно займись со мной, Торвальд. Обещаешь? Ах, я так боюсь. Такое большое общество... Пожертвуй мне весь нынешний вечер. Чтобы ни единого дела – пера в руки не брать! А? Так ведь, милый?

ХЕЛЬМЕР. Обещаю. Весь вечер всецело буду к твоим услугам, бедное мое, беспомощное созданище... Гм! Да... Сначала только... *(Идет к дверям в переднюю.)*

НОРА. Зачем тебе туда?

ХЕЛЬМЕР. Только взглянуть, нет ли писем.

НОРА. Нет, нет, не надо, Торвальд!

ХЕЛЬМЕР. Что еще?

НОРА. Торвальд! Я прошу тебя! Там нет ничего.

ХЕЛЬМЕР. Дай же взглянуть! *(Хочет идти.)*

Нора бросается к пианино и начинает играть тарантеллу.

(Останавливается у двери.) Ага!

НОРА. Я не могу плясать завтра, если не прорепетирую с тобой.

ХЕЛЬМЕР *(идет к ней)*. В самом деле ты так трусишь, милочка?

НОРА. Страшно. Давай репетировать сейчас же. Время еще есть до ужина. Садись и играй мне, милый. Показывай, учи меня, как всегда!

ХЕЛЬМЕР. С удовольствием, с удовольствием, раз ты так желаешь. *(Садится за пианино.)*

НОРА *(выхватывает из картонки тамбурин и длинный пестрый шарф, наскоро драпируется им, затем одним прыжком становится посреди комнаты и кричит)*. Играй же! Я танцую!

Хельмер играет, а Нора пляшет, доктор Ранк стоит позади Хельмера и смотрит.

ХЕЛЬМЕР *(играя)*. Медленнее, медленнее...

НОРА. Не могу иначе.

ХЕЛЬМЕР. Не так бурно, милочка!

НОРА. Именно! Так и надо!

ХЕЛЬМЕР *(обрывая)*. Нет, нет, это совсем не годится.

НОРА *(смеясь и потрясая тамбурином)*. Ну не говорила ли я тебе?

РАНК. Дайте, я сяду играть.

ХЕЛЬМЕР *(встает)*. Хорошо, мне так удобнее будет указывать ей.

Ранк садится за пианино и играет. Нора пляшет со все возрастающим жаром. Хельмер, встав у печки, беспрестанно делает Норе указания и замечания, но она как будто не слышит, волосы у нее распустились и падают по плечам, она не обращает на это внимания, продолжая пляску. Входит фру Линне.

ФРУ ЛИННЕ *(останавливается как вкопанная у дверей)*. А!

НОРА *(продолжает плясать)*. Видишь, какое у нас тут веселье, Кристина!

ХЕЛЬМЕР. Но, милая, дорогая Нора! Ты пляшешь так, точно дело идет о жизни!

НОРА. Так и есть.

ХЕЛЬМЕР. Ранк, перестань. Это просто безумие. Перестань, говорю я! Ранк перестает играть, а Нора разом останавливается. (*Нора.*) Вот чему бы никогда не поверил – ты решительно перезабыла все, чему я тебя учил.

НОРА (*бросая тамбурин*). Сам видишь.

ХЕЛЬМЕР. Да, придется подучиться.

НОРА. Вот видишь, как необходимо заняться со мной. Ты будешь учить меня до последней минуты. Обещаешь, Торвальд?

ХЕЛЬМЕР. Будь спокойна.

НОРА. Ни сегодня, ни завтра чтобы у тебя и мысли другой в голове не было, только обо мне. И писем не вскрывать сегодня... не открывать ящик...

ХЕЛЬМЕР. Ага! Все боишься того человека?

НОРА. Да, да, и это тоже.

ХЕЛЬМЕР. Нора, я вижу по твоему лицу, там есть уже письмо от него. Н о р а. Не знаю. Кажется. Но ты не смей читать ничего такого теперь. Не надо нам никаких неприятностей, пока все не будет кончено.

РАНК (*тихо Хельмеру*). Не противоречь ей.

ХЕЛЬМЕР (*обнимая ее*). Ну хорошо, дитя добилось своего. Но завтра ночью после твоей пляски...

НОРА. Тогда ты свободен.

СЛУЖАНКА (*в дверях направо*). Барыня, стол накрыт.

НОРА. Подай шампанского, Элене.

СЛУЖАНКА. Хорошо. (*Уходит.*)

ХЕЛЬМЕР. Эге-ге, так пир горой?

НОРА. Пировать до зари. (*Кричит вслед служанке.*) И немножко миндальных печений, Элене... Нет, побольше!.. Один раз куда ни шло.

ХЕЛЬМЕР (*беря ее за руки*). Ну-ну-ну, не надо этой дикой пугливости. Будь моим милым жаворонком, как всегда.

НОРА. Да, да, буду, буду. Но поди пока туда. И вы, доктор. Кристина, помоги мне поправить волосы.

РАНК (*тихо, направляясь с Хельмером направо*). Ведь не может же быть, чтобы тут было что-нибудь такое?... Она не в положении?..

ХЕЛЬМЕР. Ничего подобного, милый мой. Просто все тот же ребяческий страх, о котором я говорил тебе. Уходят направо.

НОРА (*фру Линне*). Ну?

ФРУ ЛИННЕ. Уехал за город.

НОРА. Я догадалась по твоему лицу.

ФРУ ЛИННЕ. Вернется домой завтра вечером. Я оставила ему записку.

НОРА. Не надо было. Ничему ты не помешаешь. И, в сущности, такой восторг – ждать с минуты на минуту чуда.

ФРУ ЛИННЕ. Чего ты ждешь?

НОРА. Ах, тебе не понять. Ступай к ним. Я сию минуту.

Фру Линне идет направо. Нора стоит с минуту, словно стараясь прийти в себя, затем смотрит на часы.

Пять. Семь часов до полуночи. И затем двадцать четыре часа до полуночи. Тогда тарантелла будет кончена. Двадцать четыре да семь. Тридцать один час жизни.

ХЕЛЬМЕР *(в дверях направо)*. Ну, где же мой жаворонок?

НОРА *(бросаясь к нему с распростертыми объятиями)*. Вот он, жаворонок!..